

В. А. Китаев

Б. Н. ЧИЧЕРИН О ЕВРЕЙСКОМ ВОПРОСЕ В РОССИИ

Как известно, Б. Н. Чичерин впервые открыто высказался по национальному вопросу в работе «Политика», представлявшей третью, заключительную часть «Курса государственной науки». Она увидела свет в 1898 г. В четвертой книге этого труда рассматривался в числе прочих и вопрос о соотношении общего и местного законодательства. Касаясь его, Чичерин неизбежно вторгался в проблематику национальной политики и межэтнических отношений¹.

Старый либерал находил вполне естественным владычество одного народа над другими народами. Но право господства, по его убеждению, налагало на «владычествующую народность» нравственную обязанность обеспечить возведение подвластных народностей на «высшую ступень человеческого развития». Только на этом пути можно было достичь органического слияния разнородных частей, составляющих государство. Как на одно из условий сближения народностей, Чичерин указывал на необходимость придать интеграции экономический характер. Она должна была базироваться на «общении» и «взаимности» материальных интересов. Успех здесь зависел не столько от законодательной деятельности власти, сколько от «ассимилирующих свойств» и «энергии промышленной деятельности» господствующей народности. Если же последняя отставала в этом отношении от подвластных народностей, то ей вместе с властью надлежало в интересах общего блага оказывать уважение «высшим свойствам». «Поэтому, – писал Чичерин, – для государства не может быть ничего вреднее, как, например, распространенная в значительной части русского общества неприязнь к немцам и полякам, а еще более к евреям, вражда к которым обыкновенно возбуждается самыми низменными стремлениями человеческой души»².

Итог размышлений Чичерина над содержанием национальной политики вылился в лаконичную формулу: «соединяй и властвуй». Соединять народы можно было не иначе как на основе христианской нравственности и здравого смысла.

Выпуская в свет «Политику», Чичерин не надеялся на то, что его труд вызовет общественный интерес. Однако уже в июне 1898 г. в газете «Киевлянин» появился отклик на книгу. С «двумя открытыми письмами Б. Н. Чичерину» под заголовком «Польский и еврейский вопросы» выступил бывший ректор Киевского университета, известный правовед Н. К. Ренненкампф.

Содержание «Политики» практически не давало материала для полемики с ее автором по еврейскому вопросу. Чичерин специально не останавливался на нем, хотя он не раз называл евреев в ряду народов, подвергшихся притеснениям со стороны российских властей. Однако нетрудно было сформулировать его позицию, исходя из общего контекста теоретических рассуждений по национальному вопросу, содержащихся в книге. Суть ее виделась публицисту «Киевлянина» так: «Евреи должны воспринять в себя западноевропейскую культуру и слиться с социальным строем той страны, в которой живут на началах свободы и равенства прав»³. Это типичное либеральное воззрение и стало предметом критики Ренненкампфа как практически неосуществимое, по его мнению, в современной России.

Впрочем, был все-таки один пункт, по которому Ренненкампф спорил не с отвлеченным либеральным принципом, а с убеждением самого Чичерина. Последний придерживался взгляда, что еврейство не порвало с христианской культурной традицией. Автор «Киевлянина», призывая на помощь авторитет А. Леруа-Болье, утверждал обратное. «<...> Нельзя не признать, что в характере и деятельности современного культурного еврея есть нечто чуждое, слишком реальное, лишненное идеалов и чувства истинного гуманизма, – писал Ренненкампф, – превращаясь в француза, немца, англичанина, еврей, так сказать, только линяют; но в глубине души остаются иудеями, нерасположенными к христианскому обществу»⁴.

Как «просвещенный человек» Ренненкампф солидаризировался с Чичериным в «стремлении достигнуть цели гражданской свободы и уравнивания прав евреев». Но, переходя на точку зрения «государственного человека или общественного деятеля», он находил невозможным решение этой задачи сразу. Требовались «постепенность и предварительные меры подготовки» для того,

¹ Подробнее об этом см.: *Китаев В. А.* Борис Чичерин: взгляд на польский вопрос в конце XIX в. // Освободительное движение в России. Саратов, 2000. Вып. 18. С. 78–79.

² *Чичерин Б. Н.* Курс государственной науки. Ч. III. Политика. М., 1898. С. 351.

³ Киевлянин. 1898. 15 июня. С. 2.

⁴ Там же.

чтобы преодолеть «живучесть нерасположения к евреям» в России. Всякая попытка «немедленного и полного» снятия всех ограничительных мер, предусматривавшихся российским законодательством относительно еврейского населения, была бы политически несвоевременной и неуместной.

Ренненкампф конкретизировал свою позицию рядом практических предложений. Так, он высказывался за упразднение всех учреждений и мер, которые были направлены на поддержание национально-религиозной исключительности и замкнутости еврейства. Не считая возможным немедленное снятие черты еврейской оседлости, он предлагал в то же время «расширить право пребывания и поселения для тех лишь евреев, которые предьявят достаточные гарантии своей трудовой полезности». Остальные названные им шаги имели запретительный или ограничительный характер. Правительство ни в коем случае не должно было разрешать евреям покупку крестьянской земли. Следовало также отстранить их от торговли водкой. Говорилось и о необходимости установить пропорцию между русскими и евреями в высших и средних учебных заведениях «соразмерно численному отношению населения или по какой-либо другой норме».

Ограничительный по преимуществу характер программы Ренненкампфа истекал из желания оградить прежде всего экономические интересы русского крестьянства перед лицом «пришельцев», превосходивших его «энергией, подвижностью и предприимчивостью». Но только меры сдерживания еврейской экспансии были недостаточны. Правительство должно было, считал он, серьезно озаботиться просвещением крестьянского населения. Пребывая в темноте и невежестве, оно не могло конкурировать с евреями в экономической сфере. Примечательно, что в избранной им роли защитника русского крестьянства Ренненкампф был абсолютно глух к проблеме его собственной гражданской полноправности.

Ознакомившись с «письмами» Ренненкампфа, Чичерин без колебаний принял решение выступить с ответом. Уже 14 июня 1898 г. он писал А. В. Станкевичу: «А отвечать нужно, ибо Рен[ненкампф] стоит за мелкие ограничения прав, выдавая это за клад государственной мудрости. О, великие политики! Много их у нас развелось <...>»⁵. В августе статья была отослана в «С.-Петербургские ведомости», но Чичерин не был полностью уверен, что редакция рискнет ее напечатать, и рассматривал вариант с публикацией брошюры в Берлине. Неопределенность в отношениях Чичерина с редактором газеты Э. Э. Ухтомским закончилась, когда он получил обратно корректуру. Он сообщил об этом в письме А. В. Станкевичу от 13 октября 1898 г. «Видимо, Ухтомский струсил», – подводил он тут же черту под неудачной попыткой⁶. Брошюра «Польский и еврейский вопрос. Ответ на открытые письма Н. К. Ренненкампфа» увидела свет в Берлине только в конце лета 1899 г.

Берлинская брошюра с несравненно большей полнотой представила взгляды Чичерина по еврейскому вопросу. Однако прежде чем перейти к их анализу, следует сказать, что выступление Чичерина в 1899 г. не было первой попыткой предать общественной огласке его позицию. Еще на рубеже 80 –90-х гг. это попробовал сделать Вл. С. Соловьев. «Соловьевский» эпизод наличествует в воспоминаниях Чичерина, но рассказ мемуариста не во всем точен. Есть возможность не только откорректировать, но и дополнить его с помощью других источников.

17 сентября 1890 г. В. С. Соловьев написал Чичерину письмо, в котором просил его присоединиться к инициированному им коллективному заявлению против гонений евреев в России. «Мне никогда не приходилось говорить с Вами о еврейском вопросе, но не думаю, чтобы Вы по какому-либо вопросу были сторонником бесправия и произвола», – писал Соловьев и особо подчеркивал желательность участия Чичерина в этой акции⁷. В ответном письме Чичерин высказал свой взгляд на еврейский вопрос, уполномочивая Соловьева «делать из него употребление, какое он вздумает»⁸, но вместе с тем решительно отказался присоединиться к протесту. Его не поколебало даже то, что среди подписавших были Л. Н. Толстой и В. И. Герье. «Дорого бы я дал, чтобы смыть с своего отечества это пятно (антисемитизма. – В. К.), – писал Чичерин Соловьеву, объясняя свой отказ. – Но разделяя в этом отношении Ваши убеждения, я не вижу пользы от коллективного заявления. Подобные демонстрации представляются мне всегда выстрелом на воздух холостым зарядом. Неужели Вы в самом деле думаете на кого-нибудь этим подействовать? Что такое русское общественное мнение и кто обращает на него малейшее внимание? Не только Вы никого не убедите, но Вас же закидают грязью, ибо, поверьте, побуждения, которыми руководствуются антисемиты, того рода, что против них тщетны всякие воззвания к нравственному чувству и к требованиям просвещения. Мнений своих я никогда не скрывал, но ни под каким коллективным заявлением я не желаю подписываться»⁹.

Продолжение истории с коллективным протестом рассказано Чичериним так: «Все это дело было ведено довольно гласно, а потому не могло укрыться от правительства. Результат был тот,

⁵ ОР РГБ. Ф. 334 (Б. Н. Чичерин). Карт. 8. Ед. хр. 6. Л. 74–74 об.

⁶ ОР РГБ. Ф. 334. Карт. 8. Ед. хр. 6. Л. 82 об.

⁷ Там же. Карт. 2. Ед. хр. 19. Л. 1–1 об.

⁸ Чичерин Б. Н. Воспоминания. Земство и Московская Дума. М., 1934. С. 293.

⁹ ОР РГБ. Ф. 334. Карт. II. Ед. хр. 20. Л. 2–2 об.

что журналам было воспрещено помещать какие бы то ни было заявления по еврейскому вопросу. Пришлось печатать протест за границу. Так появилась брошюра, которой я не видел. Мне говорили, что она рассматривалась в Комитете министров, и что в ней, между прочим, были выдержки из моего письма, к большому негоднованию Победоносцева. Разумеется, все это делалось только для очищения совести. Конкретной пользы это не могло принести»¹⁰. Это место из воспоминаний Чичерина не вызвало сомнений у публикатора и осталось без комментария. А между тем автор, будучи недостаточно осведомленным, допустил невольную ошибку. Ее необходимо исправить.

«Брошюра», о которой говорит Чичерин, представляет собой почти двухсотстраничную книгу, изданную в Петербурге в типографии газеты «Новости» в 1891 г. тиражом 2200 экземпляров. Ее полное название: «Слово подсудимому! С письмами графа Л. Н. Толстого, Б. Н. Чичерина, В. С. Соловьева и В. Г. Короленко». Расшифрован и криптоном «Ф. Г.», которым воспользовался автор. Его имя Файвель-Меер Бенцелевич Гец. 20 марта 1891 г. книга была представлена в Петербургский цензурный комитет и уже 23 марта была приостановлена выпуском. Постановлением Комитета министров 14 мая 1891 г. она была запрещена, а на следующий день уничтожена в количестве 2154 экземпляров. Комитет министров признал, что заключающиеся в книге <...> суждения относительно еврейского вопроса изложены в крайне страстной форме, имеющей преимущественно целью подвергнуть подробному критическому разбору и выставить в возможно ненавистном свете признаваемые правительством необходимые меры и распоряжения для ограждения христианского населения России от эксплуатации со стороны евреев <...>¹¹.

Место предисловия в книге Геца занимало письмо В. С. Соловьева автору. Соловьев, в свою очередь, вмонтировал в собственный текст адресованные ему письма Л. Н. Толстого, Б. Н. Чичерина и В. Г. Короленко. Таким образом, Чичерин вопреки своей воле оказался участником в некотором смысле коллективного предприятия, правда, потерпевшего неудачу. Соловьев не только привел большую часть письма Чичерина, но и дал краткую характеристику личности своего корреспондента, понимая, видимо, что Чичерин уступает Толстому и Короленко в известности. Отмечая, что знакомство с «продуманным и окончательным убеждением» Чичерина было бы особенно полезно для антисемитов, «способных размышлять», Соловьев представлял его как «человека, знающего дело со всех сторон, много и хорошо потрудившегося на разных поприщах, притом человека вполне самостоятельного и по характеру, и по положению стоящего близко к народной жизни и далеко от искусственных агитаций и интриг, – человека, заинтересованного только правдою»¹².

Приведем фрагмент письма Чичерина, непосредственно посвященный еврейскому вопросу, в том виде, в каком он был напечатан в книге Геца. «По моему убеждению, пишет мне Борис Николаевич Чичерин, нет народа в мире, которому человечество было обязано такою благодарностью, как евреям. Достаточно сказать, что из среды их вышло христианство, которое произвело переворот во всемирной истории, какого бы мы ни были мнения насчет религиозных вопросов, нет сомнения, что книга, которая служит насущною духовною пищею многих и многих миллионов людей, принадлежит к высшему цвету человечества, Библия – еврейского происхождения. От греков мы получили светское образование, но греки исчезли, а евреи, несмотря на неслыханные гонения, рассеянные по всей земле, сохранили неприкосновенными свою народность и свою веру. В этом я вижу залог великого призвания. Думаю также, что государство обязано оказывать защиту и покровительство всем подданным, которых Провидение поставило под его руку... В практическом отношении могу сказать по собственному опыту, что, управляя в течение двадцати лет двумя именьями, одним в Тамбовской губернии, где нет ни одного еврея, а другим в Полтавской, где все ими полно, я вижу, что в последнем крестьяне денежнее и состоятельнее, хотя в первой они, пожалуй, смышленнее и деятельнее, да и условия лучше... Вообще я с глубокою скорбью вижу, что многие мои соотечественники стоят в этом вопросе не на точке зрения христианской любви к ближнему, а на точке зрения чисто языческой и даже варварской. Антисемитическое движение составляет позор нашего времени. Дорого бы я дал, чтобы смыть с своего отечества это пятно»¹³.

Купюры, обозначенные отточием, сделаны, по всей видимости, Соловьевым. Сопоставление опубликованного текста с черновиком письма, хранящимся в фонде Чичерина (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки), убеждает в том, что они незначительны по объему и не принципиальны в содержательном отношении. Современный исследователь может, как нам представляется, пожалеть лишь об изъятии весьма выразительного рассуждения о «кулачестве» среди евреев и русских с выводом, что «русский кулак не уступит никакому еврею»¹⁴.

¹⁰ Чичерин Б. Н. Воспоминания. Земство и Московская Дума. С. 293.

¹¹ Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России. 1825–1904. М., 1962. С. 182–183.

¹² Ф. Г. [Гец. Ф.-М.Б.]. Слово подсудимому! С письмами графа Л. Н. Толстого, Б. Н. Чичерина, В. С. Соловьева и В. Г. Короленко. СПб., 1891. С. XX.

¹³ Ф. Г. [Гец. Ф.-М.Б.]. Указ. соч. С. XX–XXI.

¹⁴ ОР РГБ. Ф. 334. Карт. П. Ед. хр. 20. Л. 2.

Итак, мнение по еврейскому вопросу, высказанное Чичериным в письме Соловьеву, стало достоянием лишь узкого круга лиц, прежде всего цензоров и высших правительственных чинов. Благодаря берлинской брошюре позиция маститого русского либерала получила неизмеримо большую известность. В 1901 г. состоялось второе издание этой работы Чичерина (снова в Берлине), а в 1906 г. часть, посвященная еврейскому вопросу, напечатана шестнадцатистраничной брошюрой в Варшаве уже с разрешением цензуры.

В ответе Ренненкампфу Чичерин прежде всего выразил несогласие с мнением о гораздо большей сложности и трудности еврейского вопроса в сравнении с польским. С его точки зрения, их соотношение выглядело прямо противоположным образом. В первом случае законодателю надлежало преодолеть «накопившиеся веками предрассудки», во втором – устранить причину «политической розни народов», что было неизмеримо труднее. Для решения еврейского вопроса на государственном уровне требовалось одно – поставить законодательство выше предрассудков, как это сделано в западноевропейских странах, и тогда борьба с антисемитизмом становилась бы сугубо общественной проблемой.

Главную свою задачу в полемике с Ренненкампфом Чичерин видел в том, чтобы опровергнуть его доводы в пользу «ряда переходных мер, растянутых на неопределенное время». В первую очередь он попытался развеять опасное, на его взгляд, и лишенное каких-либо реальных оснований заблуждение рассматривать евреев в качестве врагов христианства. «Напрасно Вы говорите, – писал Чичерин, обращаясь к своему оппоненту, – что чистые скрижали Моисея давно растеряны и затемнены Талмудом и двадцативековым скитанием и бедствиями. Именно то и удивительно, что двадцативековое скитание и бедствия не затемнили этого чистого источника, из которого и евреи и христиане продолжают черпать свою духовную пищу. Вы повторяете ходячую фразу о преобладании Талмуда над Библией <...> Неверно <...> Ваше утверждение, что «исчезло еврейство, которое породило христианство». Оно не только не исчезло, но и своим духом и своей культурой оно сблизилось с христианством <...>»¹⁵. Из того, что евреи распяли Христа, вовсе не следовало превращение их во врагов христианства. Христос на кресте простил своих врагов, напоминал Чичерин, и «поставил эту заповедь выше тех, кто в него верует».

Всякое ограничение прав, по Чичерину, есть некоторое наказание. Но в том случае, если человека не за что наказывать, всякая постепенность в снятии наказания не имеет смысла. Разве виноваты евреи в том, что исповедуют собственную веру? А именно на этом настаивает закон, который возвращает еврею полную прав, если он отрекается от своей веры.

Дискриминация евреев по вероисповедному признаку была абсолютно безнравственна и противна религиозному чувству. Оправдывать ее необходимо сдерживания более энергичной и способной, чем коренное население, силы значило противиться здравому смыслу и экономической выгоде. «Полагаю поэтому, – писал Чичерин, – что распространение способного, предприимчивого и культурного населения по всей русской земле могло бы существенно поднять ее благосостояние. Пример Малороссии доказывает, что Великой России в этом отношении нечего опасаться»¹⁶.

Чичерин остро реагировал на готовность Ренненкампфа рассматривать антисемитизм, распространенный в разных слоях русского общества, как аргумент в пользу того, чтобы не спешить с гражданским равноправием евреев. Он расценивал антисемитизм как частный случай ксенофобии и был убежден, что «именно эти зоологические стороны человеческой природы менее всего должны быть поощряемы законодателями»¹⁷. Благоустроенное общество не знает категории «вредных людей» – это «порождение революционных или деспотических правлений».

У Чичерина не вызывало враждебной настороженности то, что он сам называл «тесной связью» евреев между собою, «их кагальными отношениями». Он склонен был рассматривать обособленность евреев как «весьма обычное в каждом государстве корпоративное устройство, скрепленное духовной связью». Ренненкампф, по его мнению, впадал в явную ошибку, желая «разбить» это обособленное устройство до предоставления евреям равных прав с остальным населением империи. «Пока не будет полной равноправности, – подчеркивал Чичерин, – евреи всегда будут чувствовать себя особым разрядом людей <...>»¹⁸.

Ни один из аргументов Ренненкампфа не поколебал убежденности Чичерина в том, что еврейский вопрос не терпит никакой постепенности в своем разрешении. Им в принципе отвергалась политика «мелких притеснений». «Надобно дать людям тот простор и те права, которые лежат, в самой природе человека и без которых нет ни благоустроенного гражданского быта, ни плодотворного общественного развития», – писал Чичерин, подтверждая свою приверженность фундаментальным ценностям либерализма¹⁹. Отметим, что требование

¹⁵ Чичерин Б. Польский и еврейский вопросы. Берлин, 1901. С. 40–41.

¹⁶ Там же. С. 49.

¹⁷ Там же. С. 51.

¹⁸ Там же. С. 52–53.

¹⁹ Там же. С. 54–55.

гражданской свободы и равноправия носило у Чичерина всеохватывающий, универсальный характер.

Сам факт существования еврейского вопроса в России, уже вступившей «на почву гражданской свободы», воспринимался Чичериным как свидетельство неспособности власти и общества провести это начало в жизнь «во всей его полноте и во всех его последствиях». Особое беспокойство вызывало у него состояние общественного сознания, которое, по его мнению, явно не соответствовало глубине прошедших реформ и «во многом» оставалось еще крепостным, а потому «парализовало всю нашу деятельность и вносило произвол во все отношения». И все же Чичерин заканчивал свою брошюру на оптимистической ноте: «Мы твердо уповаем, что взойдет солнце правды на русской земле, взойдет и для евреев, и для поляков, и для штундистов, и для духоборцев»²⁰.

Позиция Чичерина в еврейском вопросе – еще одно свидетельство того, что он неотступно следовал либеральным принципам. Но дело не только в либерализме. Его взгляду на большую для России проблему нельзя отказать и в нравственной безупречности.

²⁰ Чичерин Б. Польский и еврейский вопросы. С. 56.